

15 (53)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

СЕНТЯБРЬ
2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

САМОЕ ГЛАВНОЕ ДЛЯ НАС, КЕМ БЫ МЫ НИ БЫЛИ, – БЫТЬ НАСТОЯЩИМИ ХРИСТИАНАМИ

Интервью архиепископа Тульского и Белевского Алексия

Фото Александра Летицкого

Архиепископ Алексий с паломниками из Преображенского содружества

— Владыка, Вы пишете в газете «Епархиальные ведомости» и говорите в проповеди, что очень много нужно сделать для того, чтобы все люди пришли в церковь, чтобы народ обратился к вере. Как Вы думаете, могут ли миряне что-нибудь сделать для того, чтобы делиться своей верой, чтобы свидетельствовать о ней? Могут ли они участвовать в миссионерской и катехизаторской работе?

Я думаю, что могут, конечно. Но самое главное для нас, кем бы мы ни были, — быть настоящими христианами. Надо хорошо понимать, что действительно в нашей власти. Если мы увидим: вот я сам с тем миром, который мне Бог дал и который через меня будет или славословить Бога или хулить Его и поносить, если мы исходя из этого будем жить, то тогда, увидя наши добрые дела, люди начнут прославлять Отца Небесного. Если же мы придем просто с теорией, а в нас не будет ее видно, то ничего не получится. Так было с апостолами до излияния и принятия ими Святого Духа. Они ходили за Христом, они слушали, что-то понимали, чего-то не понимали, но они были почти как все. И только лишь тогда, когда в каждом из них Дух Божий стал жить как в собственном доме, и это стало видно другим, люди стали обращаться тысячами. Ведь и мы сегодня живем этим их свидетельством — как дух Божий преобразил их. И это

помогает каждому из нас самому себе, в своей совести сказать: а что же я могу или не могу? И начинать идти этим путем. Конечно, это не значит моментально, как бы по мановению волшебной палочки стать святым человеком.

Но что будет видно во мне, как было видно в падшем Адаме? Да, я больной, немощный и мне больно от этого. И чем живет мир? Он весь в смерти, но он надмевается этим, он не плачет от этого, он не мучается, он безумствует в какой-то непонятной эйфории радости смерти. А нам нужно явить именно весь ужас — «плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...» Если мы начнем это делать, то это и будет соль земли, свет мира. Это самое, самое основное. А так — ну хорошо, у одного теория такая, у другого такая, а мне нравится вот эта. Пожалуйста, я уважаю разные теории, но ничего другого быть не может, как только человеческое мое нутро. Если оно будет исполнено благодати Божьей, оно будет хриstopодобным. Если будет лишено, то тогда оно будет или человекообразным, исполнено немощью, или скотоподобным, а может быть, даже подобным и сатане, вот и все. Так вот, стремиться исполниться благодати — это мы и должны делать каждый в своей жизни. Конечно, нам легче взять какой-нибудь транспарант, собрать всех, пошли, демонстрация! Сегодня с

одним флагом, завтра с другим: красный, белый, синий, хоругвь понесли, а что дальше? Все это внешнее. Оно поначалу и неплохо. Но не там все кроется. В каждом из нас все это лежит. Что самое основное, к чему мы призваны, и что Господь пришел помочь нам сделать? Сокрушить свою самость, отдать ее для Бога. А это так трудно, не сразу дается. Я уж не говорю, что не каждому из нас дано свидетельствовать как преподобные отцы, как пречистая Богородица, но уж хотя бы плакать от тяжести греха может каждый: да, я раненый, я больной. И это уже великое.

— Владыка, часто люди, приходя в церковь, не находят сил справиться в одиночку с этой самостью. Можем ли мы как-то друг другу помогать? В чем эта помощь могла бы быть? Люди очень часто раздражены, чувствуют себя одиночками. Как с этим быть?

— А вот здесь нужно участие. Но опять же так, чтобы в этом объединении собою не застить Христа. Очень часто наша болезненность проявляется в самоутверждении: знаешь, вот я тебе помог, ты посмотри, давай я тебе еще и то, и то, и начинается... Нужно, чтобы этого не было, надо понимать: почему я смог помочь, Господи, разве это я? Это ж Ты мне сделал. И прийти и сказать: брат или сестра, знаешь, что со мной Господь через тебя делает? Не о том думать, что я тебе делаю, смотри, что через тебя Господь со мной делает. Я не думал, что я смогу себя забыть, а кому-то другому помочь.

— Могут ли, на Ваш взгляд, миряне объединяться?

— А почему не могут? Ведь мы об этом и говорим, ведь мы к этому реально и призваны, и надо это делать. Сегодня, слава Богу, внешние условия жизни нас не отторгают от этого, они призывают: идите в социальную работу. Но самое главное — не заниматься мирской «социалкой», нам нужно своим духовным делом заниматься через познание собственной немощи и благодати Божьей в немощах человеческих... Вот это — свидетельство. А очень часто у нас получается иначе, в том числе и в пастырской деятельности. Мы постоянно и себе говорим, и священникам говорим: бойтесь больше всего застить собою Христа. И нам всем нужно бояться, чтобы не вляпаться вот в это: я Петров, я Павлов, я Аполлосов, а не видеть, что мы все Божьи.

Беседовали
М. Шилкина, А. Сединкин и др.

В номере:

В Свято-Филаретовском институте состоялось открытие нового учебного года. О том, как происходило это событие, рассказывают новости на с. 3

Цельность и свобода

Лекция О.А. Седаковой, прочитанная в СФИ 9 сентября, посвящена проблемам церковности культуры и свободы творчества
с. 4-5

Помогите детям!

В рубрике читательских писем — рассказ бывших преподавателей приюта при Марфо-Мариинской обители о проблемах воспитанниц приюта, второй раз осиротевших после смены настоятельницы в феврале этого года
с. 6

На перекрестке традиций

В своем выступлении на круглом столе, посвященном памяти С.С. Аверинцева, архим. Ианнуарий (Ивлиев) вспоминает о совместной с Сергеем Сергеевичем работе над переводами Священного писания
с. 7

Саддукеи новой России

По мнению Бориса Колымагина, именно они являются одним из препятствий на пути к возрождению подлинной соборности в Русской православной церкви
с. 8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и рассказ о безвременно погибшей юной художнице Наде Рушевой

АКТ О КАНОНИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ С МОСКОВСКИМ ПАТРИАРХАТОМ ОДОБРЕН АРХИЕРЕЙСКИМ СИНОДОМ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

На очередном своем заседании, которое завершилось 7 сентября, Синод постановил «на основании определения Архиерейского собора 15-19 мая 2006 г. утвердить и одобрить «Акт о каноническом общении» в исправленной редакции, предложенной церковными комиссиями на седьмой совместной встрече, как и другие выработанные комиссиями материалы».

В соответствии с указаниями Архиерейского собора (РПЦЗ) 2006 года было решено также поручить комиссии РПЦЗ по переговорам с Московским патриархатом разработать с комиссией РПЦ по диалогу с Русской зарубежной церковью детали торжественного подписания «Акта» и чинопоследования вступления обеих частей Русской православной церкви в каноническое общение.

Архиепископу Берлинскому и Германскому Марку, председателю комиссии РПЦЗ по переговорам с Московским патриархатом, решением синода поручается согласовать с архиепископом Корсунским Иннокентием время одновременной публикации утвержденного обоими Священными синодами «Акта» на официальных сайтах двух частей Русской церкви.

При этом на следующем заседании Синода РПЦЗ, которое пройдет в расширенном составе, будут обсуждаться предложения, выработанные совместными комиссиями на их предстоящей встрече.

ИЗБРАН НОВЫЙ ПРЕДСТОЯТЕЛЬ КРИТСКОЙ ЦЕРКВИ

Митрополит Кидонии и Апокорона Ириней стал новым предстоятелем Критской церкви. Он был единогласно избран Синодом архиепископии 30 августа.

Новый архиепископ родился в 1933 году. Окончил Церковный институт на острове Крит, учился также в семинарии в Халки (Константинополь) и в колледже Уорминистер в Англии. Служил первоначально в Бристоле, в приходе Константинопольского патриархата, впоследствии на Крите, где управлял Церковным институтом. Хиротонисан во епископы в 1975 году. Архиепископ Ириней стал преемником архиепископа Тимофея, почившего 26 июля этого года.

НА ДВЕРИ ХРАМА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ВИФЛЕЕМЕ ВОССТАНОВЛЕН ОБЩИЙ ДЛЯ ТРЕХ КОНФЕССИЙ ЗАМОК

Решением патриарха Иерусалимского Феофила на двери базилики Рождества Христова в Вифлееме вновь установлен замок, общий для служащих в храме православных, католиков и армян.

В августе 2002 года двое греческих православных монахов самовольно сменили замок на входе в Рождественскую церковь, перекрыв таким образом доступ в храм представителям других конфессий, сообщает «Интерфакс» со ссылкой на католическое агентство «Asia News».

Попытки католиков и армян обратиться с жалобами к предыдущему пред-

стоятелю Иерусалимской православной церкви патриарху Иринию и руководству Палестинской автономии успеха не имели.

Недавнее решение действующего патриарха Феофила вернуть общий для трех конфессий замок на двери вифлеемской церкви Рождества Христова было горячо одобрено, в частности, францисканской кустодией на Святой Земле.

В своем заявлении руководство кустодии выражает «горячую надежду на то, что впредь признанный на международном уровне законный режим статус-кво в отношении мест поклонения христиан будет уважаться и соблюдаться всеми, и управление этими святынями будет вестись с учетом их сакрального характера».

ЭЛЛАДСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЫСТУПИЛА ПРОТИВ ЗАПРЕЩЕНИЯ ИСПОВЕДИ В ШКОЛАХ

Афины, 7 сентября. Элладская православная церковь протестует против решения правительства запретить исповедь в греческих школах. Об этом говорится в распространенном в четверг в Афинах заявлении Синода Элладской церкви, сообщает РИА Новости.

«Президиум Священного синода Элладской церкви, касаясь решения Министерства образования и исповеданий относительно запрещения исповеди в школах, заявляет, что указанное решение направлено против самих детей и может лишить их единственной возможности «опереться» на священника в своих очень сложных и иногда чреватых взрывом проблемах», — говорится в сообщении Синода.

Элладская церковь подчеркивает также положительную роль священника в воспитании «трудных» детей, зачастую лишенных родительского внимания.

«Присутствие духовного отца в школе, возможность общаться с детьми по собственному желанию последних, выслушивать их вопросы и побуждать их интерес к поиску духовного советника и вне стен школы — все это исключительно необходимо», — утверждают иерархи.

В настоящее время Элладская православная церковь не полностью отделена от греческого государства. Так, крещение и венчание юридически признаются как гражданскими актам регистрации рождения и брака.

Православные священнослужители получают государственную зарплату, имея при этом ряд льгот (например, освобождение от воинской повинности).

Государственные чиновники, включая правительство и президента, при вступлении в должность приносят присягу на Библии в присутствии духовенства. В школах преподается Закон Божий.

В последние годы греческое правительство в некоторых своих решениях стремится разграничить полномочия Церкви и государства. Предпринят ряд символических шагов в этом направлении: в частности, разрешена кремация покойников, хотя Православная Церковь предписывает церковное погребение.

Церковь лишили права распоряжаться строительством храмов других конфессий. Вскоре после принятия этого решения власти объявили о строительстве первой за почти два столетия мечети в Афинах.

В начале текущего десятилетия из греческих удостоверений личности была изъята графа «вероисповедание».

Как показывают опросы общественного мнения, около 40% жителей Греции поддерживают идею отделения Церкви от государства, в то время как примерно 33% выступают против. Остальные не определились с ответом.

СВИДЕТЕЛЬ ВОСКРЕСЕНИЯ

12 сентября в помещении Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» прошли выставка и вечер памяти архиепископа Цюрихского Серафима (Родионова) (1905–1997)

Во вступительном слове директор БФРЗ В.А. Москвин отметил, что этот вечер вошел в цикл, посвященный памяти православных подвижников русского зарубежья в XX веке. Первыми в этом ряду были вечера памяти св. прмц. Марии Парижской (Скобцовой), митрополита Антония Сурожского, готовятся — вечера об Илье Фондаминском, сестре Иоанне (Рейтлингер).

Рассказ о владыке Серафиме начал инициатор вечера Дмитрий Трубочанов, сотрудник БФРЗ, алтарник храма Успения Божией Матери в Газетном переулке. Он отметил, что покойный архиепископ был духовным другом митрополита Антония Сурожского. Они познакомились еще в 30-е на Трех-святительском подворье в Париже. Оба пережили то, что в духовной литературе принято называть личной встречей со Христом. Оба были призваны свидетельствовать о христианской вере и жизни в многокультурном и многоязычном мире Европы. Однако, в отличие от владыки Антония, владыка Серафим не был проповедником и не оставил письменного наследия. Его наследие — картины и иконы.

Большую часть жизни архиепископ Серафим (Родионов) провел в Швейцарии. 47 лет он был настоятелем Воскресенского прихода РПЦ МП в Цюрихе, основал приход в Женеве, а в последние годы жизни — Свято-Троицкий монастырь в деревушке Домпьер (в 2 часах езды от Цюриха).

Нынешний настоятель Воскресенского прихода о. Олег Батов представил короткометражный документальный фильм о владыке Серафиме. Особенно трогательны были кадры монастыря в Домпьере: храм и келья владыки. Храм представляет собой комнату в обычном сельском доме, с оклеенными обоями стенами, престолом посредине, жертвенником на подоконнике, и архиерейским жезлом в углу. Келья — соседняя комната, центральное место в которой занимает мольберт, на столе — кисти, палитра. На стенах — иконы, среди них образ прп. Серафима Саровского, подаренный владыке Силуаном Афонским, рядом живописный портрет св. Регулы (небесной покровительницы Цюриха) кисти самого владыки.

Непосредственными личными воспоминаниями о владыке Серафиме поделились члены его маленькой монашеской общины — архимандрит Мартин (де Кафлиш) (настоятель монастыря в Домпьере), монах Силуан (Фрѐзе) и монахиня Оттилия.

Самым важным в их жизни, по свидетельству о. Мартина, было то, что «мы жили вместе с владыкой». По его свидетельству, владыка, несмотря на мрачные периоды в своей жизни (а владыка Серафим, после необычайно богатого опыта личной встречи со Христом в юности, на долгие годы лишился благодати) познал Воскресение. Девять лет будущий владыка искал того, кто мог бы подтвердить его опыт. В конце концов он нашел такого человека. Им был прп. Силуан Афонский.

По мнению духовного сына, слово «Воскресение» было главным словом в жизни владыки Серафима. «Это —

Воскресение», — так, по словам о. Мартина, охарактеризовал личность покойного митрополита Минский и Слуцкий Филарет.

Как о том, кто развязывает духовные узлы и в ком можно было увидеть Христа и радость жизни во Святом Духе, свидетельствовала об архиепископе Серафиме его духовная дочь — сестра Оттилия. По ее словам, нередко случалось так, что, служа литургию, владыка светился, и на него было трудно смотреть.

По свидетельству монаха Силуана, баварца, ставшего православным в Мюнхене в начале 90-х, владыка стал первым человеком, который задал ему вопрос: «Знаете ли Вы Любовь Христову?»

На вечере брат Силуан вспоминал, как он, экзальтированный поклонник восточнохристианской духовности, обратившийся под влиянием книги архимандрита Софрония (Сахарова) о старце Силуане Афонском, хотел увидеть кого-нибудь, кто лично знал старца. «К тому времени я уже 5 лет был православным. Единоверцы спрашивали, как я пошусь, какое у меня молитвенное правило, читаю ли я последование перед святым причастием и благодарственные молитвы после, но никто никогда не задавал мне этого, главного, вопроса, который задал этот странный епископ в крохотной (всего 5 ступей) трапезной монастыря в Домпьере. Находился ли я в состоянии прелесть? Не знаю. Но радость моя была безгранична».

Как-то, когда Силуан уже жил в монастыре, в ответ на просьбу дать ему молитвенное правило, владыка спросил: «А что такое молитва?» Увидев, что собеседник растерялся, владыка Серафим сказал: «Это значит всегда быть с Богом в сердце». Потом продолжил: «Вы слишком сложный человек — Вы очень много молитесь и поститесь. И я, как и Вы, много молился и постился, пока не заболел туберкулезом». Конечно, заметил брат Силуан, это не значит, что владыка отрицал Добротолубие или монашеское делание. Нет, но он был врагом всякого формализма. Видя, как молодой монах усердно изучает Добротолубие, владыка мог сказать с улыбкой: «Это очень просто. Надо только свести все, что в голове, в сердце». А всерьез добавить: «Рецептов нет. Все, что помогает найти Бога, — хорошо. Кому-то помогает Иисусова молитва, кому-то еще что-то, а я просто открываю Ему свое сердце, и Бог является мне».

Примечательно, что свидетельства духовных детей владыки прозвучали на французском и немецком языках. Никто из них не говорил по-русски. Как заметил о. Мартин, может быть, призвание поколения русских беженцев, к которому принадлежали митрополит Антоний и архиепископ Серафим, и было в том, чтобы жители Европы узнали православие?

Закончился вечер небольшим музыкальным концертом с участием хора Московских православных регентских курсов под управлением Евгения Кустовского, барда Владимира Щукина и регента Воскресенского прихода в Цюрихе Марии Батовой.

Александр БУРОВ

9 СЕНТЯБРЯ В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ
СОСТОЯЛОСЬ ОТКРЫТИЕ НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА

Фото Евгения Фоминых

Торжественный акт начала 19-го учебного года проходил по традиции в институтской Свято-Филаретовской часовне. Он начался с молебна, на котором молились члены попечительского совета, сотрудники, преподаватели, студенты и друзья СФИ.

В своей проповеди ректор института, проф.-свящ. Георгий Кочетков сказал: «Ученичество у Христа приобщает нас к откровению тайн Царства Божия. Это откровение — всегда нечто новое в нашей жизни, пото-

му что Бог «творит всё новое». Люди мира сего не понимают этого нового, оно для них либо безумие, либо недоступная гениальность. Но учеников Своих Господь призывает жить и действовать в этом новом откровении. Мы здесь собраны, чтобы услышать слово Христово и вместе воплотить его в жизни».

После молебна о. Георгий снова обратился к собравшимся. Он призвал к открытости и постановке новых актуальных вопросов. Затем член попечительского совета СФИ, доктор богословия и известный поэт Ольга Седакова прочла лекцию, посвященную церковности культуры и свободе творчества (*лекция опубликована на сс. 4-5*).

О. Георгий поблагодарил Ольгу Александровну за интересный доклад, выразив надежду, что начавшийся в нём разговор о христианском мировоззрении поможет студентам в учёбе и вдохновит на преодоление неизбежных трудностей на этом пути.

Затем были поздравления первокурсникам.

Первый день нового учебного года СФИ завершился праздничной воскресной Вечерней, по окончании которой к собравшимся, переполнившим часовню, аудитории и коридоры института, с приветственным словом обратился старейший член попечительского совета, отметивший в этом году своё 90-летие, профессор протопресвитер Виталий Боровой. Отец Виталий напомнил, что церковь наша апостольская, и это означает, что каждый её член призван к свидетельству. Для нас, россиян, это означает призыв к новой евангелизации всего постсоветского пространства, ведь наш народ, как прежде, «крещён, но не просвещён». «Вы уже начали заниматься такой евангелизацией, и если это кому-то не нравится, пусть он сам сделает это лучше, а вы продолжайте делать своё нужное церкви и всему народу дело», — взволнованно заключил один из старейших священнослужителей РПЦ.

ТРАДИЦИОННОЙ АГАПОЙ, ТРАПЕЗОЙ ЛЮБВИ, НАЧАЛСЯ
19-Й УЧЕБНЫЙ ГОД В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ

28 августа, на праздник Успения, сотрудники и преподаватели СФИ по сложившемуся обычаю собираются в храме, а потом, после совместного евхаристического служения и причастия, садятся за праздничный стол.

Успенская агапа собрала около восьмидесяти сотрудников, преподавателей и добровольных помощников института. Как на всякой настоящей агапе, главным

здесь было благодарение Богу за совершившееся литургическое служение, за дар Церкви и за дар совместной молитвы и труда, братской любви и общения.

Благодарность Богу и Церкви, подготовка каждого в церкви к самостоятельному и ответственному труду и служению — это и есть то, чему призван учить институт — первая «постсоветская» российская духовная школа, готовящаяся вскоре отметить свое двадцатилетие.

В КИЕВЕ ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРАВОСЛАВИЕ И МИР: ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ – АНТРОПОЛОГИЯ – КУЛЬТУРА»

Организаторами форума выступили Киевское Религиозно-философское общество, Киевские духовные академия и семинария, Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра и Государственная историческая библиотека Украины. Конференция была посвящена памяти выдающихся церковных мыслителей и богословов протоиереев Сергия Булгакова, Василия Зеньковского, Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа.

После пленарного заседания в синодальном зале Киево-Печерской Лавры, где выступали представители Киевских духовных школ и богословы из Греции и Франции, конференция продолжила свою работу в Государственной исторической библиотеке Украины, где после докладов организаторы провели презентацию выставки «Русское религиозно-философское возрождение начала 20 века: С. Булгаков и В. Зеньковский (из дореволюционных фондов киевских библиотек)».

Следующие три дня участники конференции провели в гостях у Института философии имени Г. Сковороды НАН Украины, где прошли второе пленарное заседание, работа секций и круглых столов, где участники обсудили широкий спектр научных проблем.

В интервью пресс-службе УПЦ профессор-протоиерей Георгий Соменок отметил, что конференция,

посвященная православию и миру, причем в аспекте экклезиологии, антропологии, культуры необычайно важна. «Она помогает нам не только разделить различные аспекты христианского богословия, но и помогает нам как можно глубже, шире и правильнее понимать православное богословие, — сказал отец Георгий. — Православное богословие — это та область религиозного и философского мировоззрения, я бы даже сказал, историко-философского мировоззрения, которое не может замыкаться в самом себе. Православие, и православное богословие в частности, всегда выше тех человеческих представлений, исторических условий, которые его ограничивают. В том и актуальность, и значимость православного богословия для нашего времени, что оно помогает человеку выйти за пределы тех условий, тех исторических наслоений, которые были присущи конфессиональным институтам. Я глубоко убежден, что для православия в будущем открываются большие горизонты, необходимо только работать в этом направлении, стремиться к тому, чтобы не ограничивать себя только одной лишь дисциплиной или областью. Мы должны стараться вникать как можно глубже в ту богословскую ниву, которую дал нам для возделывания Иисус Христос».

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ВОШЛИ В НОВЫЙ СОСТАВ КОМИТЕТОВ И КОМИССИЙ ВСЦ

В ходе первого заседания нового состава Центрального комитета Всемирного совета церквей, проходящего в Женеве 30 августа — 6 сентября, были избраны члены комитетов и комиссий ВСЦ, которые будут работать до его следующей ассамблеи.

От Русской православной церкви в эти органы вошли: в Постоянный комитет по консенсусу и сотрудничеству — епископ Венский и Австрийский Иларион, представитель Московского патриархата при европейских международных организациях; в Совместную комиссию всемирных христианских сообществ и ВСЦ, а также в Комиссию по всемирной миссии и евангелиза-

ции — протоиерей Михаил Гундяев, секретарь представительства Московского патриархата при ВСЦ; в Совместную рабочую группу Римско-католической церкви и ВСЦ — священник Игорь Выжанов, секретарь Отдела внешних церковных связей Московского патриархата по межхристианским связям.

Членом Комиссии по экуменическому и религиозному образованию стал священник Сергей Говорун, помощник председателя ОВЦС, а членом Комиссии церквей по международным делам — Владимир Легойда, заместитель декана факультета международной журналистики МГИМО, главный редактор журнала «Фома».

ПРЕЗИДЕНТ ЧЕЧНИ
НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ
ПРП. СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО

Ставрополь. 11 сентября. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II наградил президента Чечни Алу Алханова орденом преподобного Сергия Радонежского (II степени).

По благословению предстоятеля церкви награду А. Алханову вручил во Владикавказе епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан.

Президент республики удостоен ордена за поддержку православного населения Чечни, в частности, за помощь в восстановлении грозненского храма Архангела Михаила.

В ответном слове, как сообщили в епархии, А. Алханов отметил, что поддержка русского населения — одна из приоритетных задач руководства республики.

Президент Чечни также рассказал, что после завершения восстановительных работ на комплексе Михаило-Архангельского храма в Грозном он планирует организовать строительство и других православных церквей в местах компактного проживания русского населения.

БРАТСТВУ «РАДОНЕЖ»
ПРИСУЖДЕН
ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ГРАНТ

Общественный совет Центрального федерального округа по результатам конкурса, в котором участвовало несколько тысяч организаций, принял решение присудить президентский грант поддержки общественно-значимых проектов Православному братству «Радонеж».

Согласно условиям конкурса, в нем принимали участие некоммерческие организации, зарегистрированные и осуществляющие свою деятельность на территории Центрального федерального округа, не имеющие задолженностей перед бюджетами всех уровней, и среди учредителей которых не имеется иностранных физических или юридических лиц.

К рассмотрению были приняты общественно-значимые проекты, направленные на сохранение и упрочение гражданского мира и согласия в обществе, формирование установок толерантного сознания и нетерпимости к проявлениям ксенофобии и экстремизма; решение проблем здорового образа жизни, экологии и охраны окружающей среды, демографии, материнства, детства и молодежи; защиту прав человека и поддержки соотечественников за рубежом; поддержку ветеранов войн и локальных конфликтов, военнослужащих и членов их семей и др.

Председатель Братства «Радонеж» Е.К. Никифоров направил письма с выражением благодарности за оказанную деятельность Братства поддержке полномочному представителю Президента РФ в ЦФО Георгию Полтавченко и председателю Общественного совета ЦФО Евгению Юрьеву.

С 1 СЕНТЯБРЯ
«ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ
КУЛЬТУРЫ» БУДУТ
ПРЕПОДАВАТЬСЯ
В 15 РЕГИОНАХ РОССИИ,
В ТОМ ЧИСЛЕ В ЧЕТЫРЕХ –
КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ КУРС

С нового учебного года «Основы православной культуры» станут компонентом обязательной сетки школьной программы в Белгородской, Калужской, Брянской и Смоленской областях, сообщает Отдел внешних церковных связей Московского патриархата.

Еще в 11 регионах православный предмет будут преподавать на факультативной основе.

В соответствии с принятой в июле Московской духовной академией комплексной общецерковной программой преподавания «Основ православной культуры» к 2010 году предполагается подготовить более 10 тыс. специалистов по данному предмету из числа учащихся духовных школ и светских педагогов.

ЦЕЛЬНОСТЬ И СВОБОДА

Лекция О.А. Седаковой в Свято-Филаретовском институте на открытии нового 2006-2007 учебного года

Мы предполагали, что я буду говорить сегодня об отношениях творчества и церковной культуры. Это тема, о которой я — с разных сторон — думаю уже много лет, и в связи с разными конкретными поводами о ней писала. Поэтому для начала я просто сошлюсь на две основных моих работы на эту тему — лекцию «В целомудренной бездне стиха»¹ и статью «Благословение творчеству и парнасский атеизм»². Я не буду сегодня повторять того, что в них сказано. Главной в этих моих размышлениях была тема художественного вдохновения и его отношения к тому духовному опыту, который хранит христианская церковь.

Да, в отношении творчества в привычном светском смысле — целенаправленной деятельности, плодом которой будет новое сочинение, новая вещь (стихи, музыка, пластическое произведение) — мы вынуждены употребить этот глагол: хранит. В разных областях собственно храмового искусства граница живого творчества и хранения приходится на разные времена: раньше всего замолкла литургическая поэзия. Уточню: под живым творчеством я имею в виду прежде всего создание новых образцов. В форме акафиста могут создаваться — даже в наши дни — новые тексты, но некогда сама эта форма литургического гимна возникла из несуществования. Вот, между прочим, удивительный ракурс, позволяющий оценить наш «тезаурус», наши «культурные сокровища»: представим себе, что был мир, в котором еще не было «Евгения Онегина» или Девятой симфонии Бетховена! И могло бы и дальше не быть! Все зависело в последний момент от такой малости, как один живой, хрупкий и весьма несовершенный человек, Александр Сергеевич Пушкин или Людвиг ван Бетховен. Похоже чудо возникновения новой вещи и в церковном творчестве. Как долго жил христианский мир без Владимирского образа или без рублевского («звенигородского») «Спаса»? А ведь мы уже не можем представить себе нашей веры без этих Ликов, она отчасти ими и составлена. На наших глазах эти (и многие другие) образы, созданные или явленные в православной русской традиции, становятся образами вселенской христианской веры. Вы увидите их в самых славных соборах европейских столиц и в деревенских церквушках захолустья по всей Европе, в домах набожных католиков, англикан, лютеран... И они начинают в ней — в этой вере, в молитве — свое формообразующее действие. Ведь человек благодарит им иначе видит то, к чему (к Кому) он обращается, а образ адресата определяет многое, если не все, непосредственное и прямее, чем понятийно изложенные постулаты вероучения. Этого всехристианского Торжества Православия наша Церковь не заметила.

В этом отношении и нас, может быть, еще ожидают такие подарки — скажем, христианский архитектурный гений Запада. Те, кто видели романские соборы в Реймсе, Амьене или Везле, скульптуру Шартра, витражи парижской Сент-Шапели, согласятся, вероятно, со мной, что без этих образов содержание исторической христианской веры, Предание, будет неполным. Но и «мы», и «они» можем здесь, в художественном свидетельстве веры, одарить друг друга только нашим уже далеким прошлым, по отношению к которому сами мы хорошо если сохранили способность хотя бы его воспринимать и ценить. В самом деле, даже эта способность быть «наследниками» традиции была утрачена — и относительно не-

В саду Эдемском. Акварель. 1911-1917. Е. Кузьмина-Караваева (прмч. Мария Парижская)

давно возродилась. Ценность классического икононого письма, как вы знаете, — в начале 20 века. Ценность средневековой архитектуры — в романтическое время, и в особенности трудами П.Мериме, открывшего удивленным соотечественникам древние храмы Франции.

Почему и как кончилось это великое церковное творчество? Может быть, у нас уже есть все необходимое — и с избытком — для церковного воспитания души? Или же вера современного человека с восторгом встретила бы что-то новое как совсем свое, «именно для нас», как это бывает с современниками всякого события этого вестественного, человеческого — свидетельского — и вдохновенного Духом творчества? Вот, наконец-то, именно этого я и ждал! Новый лик, обращенный именно к этому времени, к этому положению вещей, к этому складу души. Я могу здесь сказать только про себя: при ясном чувстве того, что эти великие образы «больше, чем просят, дают», мне очень хотелось бы при жизни увидеть такое новое событие. Быть может, вопрос в том, есть ли в церкви (у ее общности) нужда и просьба о таком образе — на что и мог бы быть дарован ответ. Боюсь, скорее мы чувствуем себя недоросшими до этих великих вестественных свидетельств веры — какой-то великой, мудрой веры — других христианских эпох, мы «как есть» этим образом как будто не в меру. Я непосредственно чувствовала это в интерьере Киевской Софии или в равенском Сан Витале. А то, что «в нашу меру», видимо, не стоит и за-

печатления. Такие предметы не рожают состояния молитвы. Это я чувствовала в западных храмах нового стиля, украшенных лучшими художниками 20 века, Матиссом, Шагалом, Руо.

Я уже сказала, что речь пока идет об одном роде творчества — о продуктивном творчестве, в своем итоге непременно отливающимся в вещь и изначально направленном на вещь. Как у Рильке, воспевавшего старинного ремесленника:

Dinge, sag ich, Dinge, Dinge, Dinge!

Вещи, говорю я, вещи, вещи!

И создавшего целую философию Вещи, которой он хотел бы уподобиться, «не нарушая вечного детства вещей». Восторг вещи, как бы превосходней возможности своего автора, ее активность и субъектность (она не только строит сама себя — помните, у Пушкина в письме: «Какую штуку выкинула моя Татьяна: она вышла замуж!» — она строит и своего автора, так что он кончает труд другим человеком, чем начинал) — тема Мераба Мамардашвили. Без навыка воспринимать эту автономность художественной вещи (то есть, в непосредственном общении с ней не чувствовать, не следить за тем, как эта вот звуковая последовательность, это вот размещение линий как бы само себя создает, развиваясь наподобие живого растения — а не ища, как в наших учебниках, «что автор хотел этим сказать?», а в американских учебниках «что он пытался сказать, tried to say?»), без знания в этой вещи того, что принадлежит некоей «над-авторской

воле», ее собственной воле, мы не поймем нового искусства, особенно 19–20 веков. Но ни Античность, ни Библия этой темы не знали. Для них был бесспорен другой постулат: «вещь не больше создавшего ее». Этим аргументом как абсолютно неопровержимым, пользовались ранние христианские апологеты в споре с язычниками.

Однако есть и другой род творчества, собственно церковное творчество, аскетическая монашеская традиция «умного искусства», не производящего предметов, но занятого «произведением человека», нового человека. О «поэзии» и «поэтике» «умного искусства» прекрасно писал о. Александр Геронимус. В том, что художник, в отличие от святого, создает не себя, а вещь, видел реальное духовное задание художника Б.Пастернак. В церковном творчестве великих эпох, о которых речь шла в начале, эти две интенции, «умное искусство» и «искусство вещей» соединялись. И если сам гимнограф или иконописец при этом могли и не быть лично святыми и даже канонизированными (как прп. Андрей Рублев или киевский иконописец св. Алипий; С.С. Аверинцев заметил, что в Византии канонизация иконописцев неизвестна, это русская особенность), то они росли из почвы этого умного искусства, жили в его воздухе. (Не говоря уже о том, что «вещь», создававшаяся здесь, храм, икона или «словесное приношение» имели другой статус, чем воспетая Рильке автономная Вещь свободного художника). Этот род творчества, «непродуктивный», слава Богу, жив — и еще бы! С его прекращением, с концом «искусства нового человека», с иссяканием этого рода вдохновения можно было бы, вероятно, говорить о конце Церкви. Однако давно привычное для нас прекращение произведения великих «христианских вещей» остается открытым вопросом. Впрочем, и «свободная», светская культура, которая своим динамизмом и страстью к новизне уже много веков составляла контраст церковной тишине, уже не создает великих «Вещей Искусства» в смысле Рильке.

Современность (культурная современность) определяет собственное состояние как «бедность» («бедное искусство») или «слабость» («слабая мысль»). Наш современник чувствует себя «не в меру» не только великому церковному искусству, о чем мы говорили, но и большим созданиям светского, свободного искусства. «Кто мы такие, чтобы любить Рильке?» — меланхолически возразил мне немецкий поэт, когда я на его вопрос о моих «учителях» назвала это имя.

Что же это за новая слабость и бедность — и не может ли она быть не только нашим несчастьем, но и своего рода даром, новой возможностью наших творческих времен? Не открывает ли она путь к какой-то новой простоте для мира, утомленного собственной сложностью, косвенностью и запутанностью? Немало художников поставили на эту карту. В том числе, религиозных художников, как упомянутые Руо и Шагал. Но этот новый примитивизм или инфантилизм (писать, как тот, кто не проходил никакой школы), при своей огромной выразительности и прямоте воздействия, отличается, по моему впечатлению, от «настоящих» примитивов отсутствием того, что я бы назвала благородством. В этом жесте экспрессия преобладает над вниманием. Мы не можем не чувствовать авторского произвола в «новых примитивах», и согласны принять этот произвол как выражение «личного своеобразия» художника.

Но нам требуется что-то еще, кроме личного своеобразия! Нам требуется побыть с этой вещью, дивиться на нее, говоря по-старинному, а на «своеобразие» и на «искренность» долго и плодотворно дивиться невозможно. Новые «бедные вещи» не выдерживают продолжительного созерцания. Они быстро исчерпываются, отдают, что могут, — и остаются перед глазами как яркие пустые оболочки. Путь к «новой простоте», видимо, не так прост. Прямой и кратчайший путь «искренности» (что могу, то и делаю: если все, что я могу сделать «от себя лично», — это провести на холсте две прямых, как делают минималисты, пусть так и будет; «чужого», косвенного, неправдивого мне не нужно), этот путь, как ни странно, оказывается лукавым. В самом требовании правдивости и полного личного присутствия есть несомненная законность. Но правда такого рода, как заметил Пастернак, «отстает от успехов природы». Чтобы не отстать, чтобы сообщить длительность своему высказыванию — а тем более, по слову Марии Петровых, обрести

сладостное право
Опережать века —

человек, видимо, должен «присутствовать» в нем не просто таким, «как он есть», а кем-то еще, с кем-то еще... Скажем так: с миром. «Своим миром»? Да, никакого другого, чужого мира предъявить он не может. «Его мир» — все, что он знает о мире, все, с чем он в нем связан. Если мы не можем с полной уверенностью повторить — по отношению к человеку — старинное правило: «изделие не больше своего создателя», то этот мир, его мир, несомненно, больше его создания. Это создание — только запись о явлении «всего моего мира», явлении хотя бы на миг. Как у Пушкина:

*И внял я неба содроганье
И горний ангелов полет
И гад морских подводный ход
И дольней лозы прозябанье.*

Эта строфа кажется мне эхом божественного ответа Иову: именно это предлагают представить невинному страдальцу, с подводными гадами и родами ланей. Нечто, выводящее из тупика психологического рассмотрения благоразумных советчиков Иова: то, куда не ступала нога человека, — ВЕСЬ МИР.

При первом взгляде на мозаики Раверенны, на все великие христианские вещи, о которых я говорила выше, мы вьязе видим сообщение об этом ВСЕМ МИРЕ: неисчерпаемое, неистощимое во времени сообщение. И обладающее, как в случае Иова, катартической, изменяющей своего зрителя силой. К этому-то участнику «слабого времени» почему-то чувствует себя неспособным. ВСЕГО МИРА его сознание (в том числе, и сознание верующего человека) почему-то лишено. Свидетельство этому — и эпигонские создания религиозных вещей «в традиционном духе», и новые, вне канона религиозные сочинения (леснопения, молитвы), которые задевают вкус убожеством своего МИРА, совпадающего по существу с миром поп-культуры, миром, состоящим из одних поверхностей и стилизованных, как в комиксах, контуров. МИР в человеке — это его мудрость. Мы рискуем остаться с человеком, у которого своим осталась только воля и простейшие ощущения.

Я перешла ко второй, и главной теме моей лекции, совсем новой для меня. Прибегая к образу Данте, я боюсь, что в этих новых водах корабль моего разумения — la navicella del mio ingegno — далеко не уплывет. Но попробуем вместе.

Вы знаете, что МИР — одна из основных тем В.В. Библихина (так называется одна из его лучших книг): у него эта тема звучит как вопрошание о мире. Философ вопрошает, но художник получает ответ раньше, чем задает вопрос — и следы этих ответов мы находим в привычных выражениях типа «мир Шекспира», «мир Тютчева» и т.п. Од-

нако мне теперь придется ставить вопросы, причем куда более занудным образом, чем В.В. Библихин.

Итак, вопрос о нашем осознании мира (я предпочитаю это неуклюжее выражение привычным: «картина мира» или «мировоззрение»). Вопрос о том, насколько цельным и связным видится мир в нашем восприятии, насколько он насыщен смыслом, как в нем этот смысл и смыслы распределены, к каким из этих смыслов мы причастны. Простой пример. Кто-то из наших ученых заметил, что, если бы на действия хирурга перед операцией смотрел человек другой культуры, не обладающий нашими знаниями о микробах и бактериях, он решил бы, что это длительное мытье рук — некий священный, ритуальный акт. Мы «правильно» читаем чисто гигиеническую прагматику этого действия: дезинфекция. И что: это конечный смысл? Куда он уходит дальше? Он часть нашей «научной картины мира». А «научная картина мира» — какой у нее «мир», ВЕСЬ МИР? От его общего описания воздерживаются — картина получилась бы слишком страшной. У Лосева — Материя.

Если мы сравним наш взгляд на мытье рук с первым, ошибочным, увидим: то понимание (ритуал) выводило в мир, открытый Другому. Научная картина показывает мир абсолютно замкнутый и принципиально бедный. Бедный смыслом, бедный отношением. Действие — эффект. Его составные (элементарные частицы) бессмысленны, а законы не знают исключений. Из него изъяты — принципиально изъяты — такие вещи, как телеология («ненаучно»: научен ли вопрос: Зачем микробы?), как целевая причина, как связь. Все действия в нем происходят снизу вверх, причина ниже следствия. Метод объяснения — редукционистский, сведение высшего и более сложного — к простейшему. Каким образом происходит повышение уровня — то есть, прибавление бытия — в «научной картине» не выясняется (пример: фрейдовский комплекс, дарвинская эволюция). «Низкая истина». Отсюда бунт против причинности, детерминизма.

Данте: «Истина, которая нас так возвышает». Поскольку истина сверху, и причина должна быть выше следствия. Меньшее не может причинять, то есть вызывать к жизни. Объяснить факт — значит, найти его форму: то есть его причину и цель. Причины и цели могут быть только благами: «плохих семян не сеялось». Свое лучшее и закон мира совпадают. Все существующее плывет по океану бытия к своему месту, управляемое любовью. Своей любовью, которая вложена Творящей Любовью. Огонь любит восходить вверх, а вода падать. То, в чем совсем нет любви, не существует. Грех — искажение любви, которая ошибается или в своей мере, или в своем предмете. Но это та же любовь. Внечеловеческий мир таких ошибок совершить не может, поэтому над естественным миром власти лукавого нет. У человека есть две воли: disio, velle. Конфликт между ними, а не между «умом» и «чувством». Познание: возвести следствие к причине, часть к целому как «к своему лучшему». Если в «научной картине» мир идет к упадку, к тепловой смерти, то мир Данте устремлен к усилению бытия, к бессмертию. Расположением всех этих «Любостей» занято Искусство. Искусство — другое в Природе. Человеческое искусство — внук Творца, «та воля, которая ведет ласточку, вьющую гнезда». Искусство строит динамическую иерархию Причин. Справедливости выражается в равенстве, в своем лучшем месте для каждого. Вот совсем краткий очерк дантовского (фомистского) мироздания. Здесь иначе стоит вопрос о чуде: оно нарушает обыкновение, но не закон, ибо закон один — Любовь.

Мы вспоминаем Пастернака (о ласточке, о «Мирами правит жалость»), Мандельштама («И море, и Гомер»). Да и Пушкина («Что не любить оно не может»). В новое время так видеть мир

может не наука, а искусство. В разговоре об отношении искусства и религии немаловажное обстоятельство: обе эти области по существу отстраняются от «научной картины мира». Искусству при этом позволяется и ребяческое доверие к мифологии («одушевление природы»), чего в строгой науке Данте быть не может. Его Любовь как закон мира не антропоморфна, не психологична, она такова же, как «закон тяготения».

Это не контраст «веры» и «науки» — а двух «наук» или двух «вер». Аристотелевой, античной, исходящей из восхищения миром, в единстве с библейским восторгом бытия как такового — и новонаучной, видящий перед собой мир, который требуется покорить и использовать. Только в этом отношении он и интересен.

Это не вина науки самой по себе, но идеологии науки. Ее основания — определенный этап развития естественно-научных установок, самой наукой давно преодоленный.

Непредвзято изучать данность и устанавливать наблюдаемые в ней закономерности (как Данте с восторгом описывает движения воды, распределение волн в блюде, которое качнули,) — что в этом «идейного»? В конце концов не больше, чем в умении забить гвоздь. Никто ведь не скажет: раз я умею забивать гвозди, значит, никаких телеологических причин не существует! Однако реально мы имеем дело не с наукой самой по себе, а с *идеологией* научности. Эта идеология претендует на окончательное и исключительное знание о мире — не только о том, что в нем непосредственно наблюдается, но главное, о том, что в нем *возможно*. Чудо (то есть настоящее нарушение «естества чина») в этой картине мира невозможно. Идеология воинствующей научности построена на представлениях, порвавших не только с креационизмом, но и с аристотелевской гносеологией и не дошедших до эйнштейновских времен.

Эта тема общего восприятия ВСЕГО МИРА — очень трудная тема; она требует эрудиции, далеко превосходящей мою (в истории и современном состоянии естественных наук). Так что то, что я предлагаю теперь вашему вниманию, — не более чем постановка вопроса. Но сам этот вопрос представляется мне крайне важным. Можно заметить, что самые великие произведения церковного творчества возникли, как правило, в эпоху цельного сознания — даже не стоит уточнять «цельного церковного сознания»: другого и не предполагалось³. *Мудрость* веры, о которой я говорила, выраженная в них, их неистощимая содержательность связана с тем, что поле восприятия тех, кто создавал их, и тех, для кого они создавались (в угоду современному восприятию создается китч), было очень широко, что это человеческое общество много другого знало о вещах мира, о цвете, скажем, — такого другого, что для нас не известно. И что эти разнообразные знания исходили — в замысле — из одного центра. Что это был последовательно теоцентрический мир, в котором безразличных к этому центру вещей и тем не предполагалось. Не теоцентрический мир теизма — но мир активности и причинности Того, кто се движет. Мы живем по меньшей мере в двух мирах. В одном — приблизительно том же, что и средневековые, только что действие этих принципов и законов ограничено областью «религиозного», почти совпадая с тем, что называют «внутренней жизнью». И во втором — так называемом «научном» мире, из которого состоит обывденное сознание и внешний мир. Общее движение цивилизации отчетливо следует «научному» принципу, овладевая все новыми и новыми зонами (геном, клоны). Как совесть верующего объясняет себе эту раздвоенность?

Этим разрывом был озабочен о. Павел Флоренский. Общей задачей своих разнообразных трудов он видел созда-

ние «нового цельного мировоззрения». Он искал такой модели теоцентризма, которая вновь включила бы в себя те области, которые из нее выпали: то, чем в Новое время, исходя из совсем других предпосылок, занимаются естественные науки, математика, психология, история, политика, наконец. Он хотел увидеть и показать, как сквозь все эти области проходит тот же луч, в стороне от которого, исключая который хочет построить свое мироздание то воззрение, которое называют научным. Мироздание, основа которого — жесткие, однозначные, не знающие исключения «законы природы», «пустые» в смысловом отношении (телеологии здесь не предполагается), а не Творящая Любовь и Промысел. Как видит его тот ум, который Достоевский называл «евклидовым».

Флоренский знал и чувствовал мир средневековой космической цельности, моделью которого был каждый христианский храм. «Неевклидов» взгляд о. Павла, его гениальная интуиция открыла удивительные вещи, как, например, обратное течение времени в сновидениях. Но мне не кажется случайным и вынужденным крайними обстоятельствами политический проект о. Павла (посмертная публикация), жестокая утопия, которую он описывает как лучшее устройство человеческого общества, где личная свобода полностью элиминирована. Это, как представляется, вполне ожидаемый плод стремления к абсолютно непротиворечивой картине мира. Отчетливо негативные для современного слуха «тоталитаризм» или «интегризм» (у нас привычнее на этом месте «фундаментализм») имеют в своей основе прекрасное представление о цельности.

Интегризм несет в себе такую опасность, что ему охотно предпочтут его противоположность — ощущение полного разнobia, децентрализованность. Но даже не это важно. Существеннее: оторванность познания от мира, «аспект» Витгенштейна. Мы имеем дело не с миром, а с нашими концепциями: психология, физиология, экология... Но лучше пусть так, лучше агностицизм и диссоциация, чем интегретская утопия...

Почему дантовский мир не утыкался в утопию? Потому что его Принцип — Любовь — есть энергия, а не вещь. «Новая цельность» ищет вещных смыслов, и от научного детерминизма бежит к магическому. Цельность, не знающая свободы — как шпенглеровские модели. Данте и его просвещенным современникам не нужно было объяснять, что ничто так не противоположно богословской мудрости, как магизм. Я не уверена, что человек, бегущий из тюрьмы научности, так же ясно это видит (случай о.Павла). Все что угодно лучше чем «евклидово», даже черная месса. Из этой тюрьмы он бежит вместе с представлением о реальности Силы — и о немощности Любви.

Мандельштам говорил о необходимости знать современную естественную науку. Да, парадоксальным образом, именно в этой мысли мы теперь видим интуицию свободы. Предсоборное сошествие. Гуманитарные науки — психология, социология и т.п. развивают количественную интуицию некогда «научной картины мира» (а за ним следует и современное искусство) — тогда как взгляд в современную естественную мысль поражает: как она близка подлинно богословской интуиции энергии и повышающейся организации.

¹Слово при присвоении почетной докторской степени на факультете богословия в Минском ЕГУ (входит в последнее издание «Музыка»)

²Отклик на «Послание художникам мира» Иоанна Павла II (опубликована в журнале «Новая Европа»).

³В действительности, конечно, оно было и действовало, хотя не осознавалось его носителями как гетерогенное. Я имею в виду феномены «народного двоеверия» или христианско-языческого синкретизма, как его называют историки религии. «Вторым» миром средневековья (на месте нашего «научного») был миф, магизм.

ЧТО ПИСАЛИ СМИ О МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ И ЕЕ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ КРЮЧКОВОЙ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД...

В Марфо-Мариинскую обитель я шла с некоторой боязнью. При Елизавете Федоровне, как я знала из воспоминаний, все в жизни этой общины сестер милосердия было продумано до мелочей. Было ясно, что такую разумность устройства в наши дни повторить невозможно. К тому же доходили слухи о невозвращенных зданиях, о разрухе в нынешней обители. Погода отвечала мрачным мыслям: мерзкий дождь пополам со снегом...

И что же? Сразу стало понятно, что обитель все-таки жива. За низкой калиткой в каменной стене — здания в лесах, гудит техника. Серый домик в глубине. На звонок открывают дверь. Прохожу. Где-то журчит вода: там стирают. Из-за щелочки выглядывает любопытная девчушка. Читаю: «Приют для девочек». На лестнице пахнет хлоркой, как в больнице. Но поднимаюсь на второй этаж... и попадаю в дом. Длинные столы для большой семьи, буфеты, цветы в горшках, уютное кресло. Бродят мягкие кошки. Если бы не келейница в монашеском одеянии, я бы и забыла, где нахожусь. Но, ожидая настоятельницу, невольно представляю ее похожей на Елизавету Федоровну и нервничаю. Входит матушка. Она, конечно, другая. Невысокая, улыбающаяся, шустрая. Два слова, и мое напряжение спадает...

Журнал «Нескучный сад», март 2003 г.

В детском приюте воспитываются 20 девочек и мальчиков от 6 до 16 лет. Они посещают общеобразовательную школу, а в обители им дают уроки музыки и хореографии. Кроме того, дети занимаются подводным плаванием, конным спортом и рукопашным боем. Недавно обитель приобрела два дома в Севастополе, и теперь лето они проводят на Черном море. Ребята также помогают в содержании подсобных хозяйств. Настоятельница мечтает «взять еще деток в приют, да места пока нет».

30.07.04. Сайт Комиссии по социальной церковной деятельности при Епархиальном совете г. Москвы «Милосердие. Ру»

О м. Елизавете писали и публиковали ее статьи и воспоминания также «Радо-неж» (4.10.2005), «Церковный вестник» № 326-327 (январь 2006 г.) и другие СМИ

...И ЧТО ПИШУТ СЕЙЧАС

Когда Наталья Молибога приехала с духовенством в обитель, она обнаружила развал буквально во всем и засучив рукава принялась за работу...

...Старшие девочки приюта — это поколение, которое сломали...

...Обитель была превращена в гостиницу, место пребывания, куда просто кто-то приходит, здесь ест, пьет — и уходит. Многих бумаг нет, юридически все необоснованно. Пропали документы на договоры...

Сайт «Религия и СМИ», интервью Н. Молибога

ПОМОГИТЕ ДЕТЯМ!

Мы очень благодарны вам за публикацию обращения за защиту традиций Марфо-Мариинской обители*. Для нас это тем более важно, что иногда пресса освещает происходящие события превратно, а возразить оказывается невозможным. Так, в майском номере газеты «Православная Москва» была напечатана статья «Российская обитель: ее сегодняшний день». Наш ответ на нее, давно уже отправленный в редакцию, до сих пор не опубликован. Мы посылаем его вам в надежде, что он все-таки увидит свет.

Уважаемая Нина Ивановна!

В своей статье Вы пишете о необходимости «целостности живого организма, где духовная жизнь стоит на первом месте». Давайте разберемся вместе, в чем же на самом деле заключается эта целостность?

В сегодняшней обители имеют место факты жестокого обращения с детьми, рукоприкладства, психологического давления и травмирования психики детей.

Вы упоминаете Свету Иванову, которая напоминала ребенка-блокадника. Именно она хорошо отозвалась о матушке Елизавете, за что и была жестоко наказана нынешней руководительницей обители Натальей Молибога. Не повезло и Ксюше, которую довели до истерического припадка с вызовом скорой помощи. Не меньше досталось и Рошиной Юле. Детей, пытавшихся успокоить Ксюшу, даже близко к ней не подпустили.

Крики, ругань, угрозы, психологическое давление и, наконец, постоянные подписки о том, что дети не подвергаются физическому насилию и «хотят» остаться в обители — вот характерные черты обители сегодня. Особенно страшно, что это касается детей, как Вы сами пишете, «немеренно хлебнувших горя». Дети чувствуют, что раньше у них была любящая и заботливая мама Елизавета и жили они в одной дружной семье. С ее уходом они дважды сироты: в первый раз осиротевшие перед тем, как попали в обитель, второй раз — с уходом матушки.

В чем же заключается «любовь к детям, их оберегание от невзгод», о которых Вы пишете?

О большой «заботе» о здоровье детей говорит отсутствие в обители сейчас изолятора и медицинского кабинета. Тот факт, что в Севастополе пустует купленная для детей матушкой Елизаветой здравница на море, говорит сам за себя. Очевидно, это происходит от большой «заботы» о детях. Именно эта «забота» и превратила бывшую учительскую в офис, где находятся юрист и бывший ДЭЗовский работник. Фактически у детей на первом этаже отняли комнату, куда они всегда могли придти к своему педагогу. Но зато для 27-летней дочери Н. Молибога, которая к детскому приюту не имеет никакого отношения, была выделена отдельная комната на втором этаже. Факт уничтожения собак, которые много лет до этого жили при обители, горем и болью отозвался в сердцах детей, тем более, что эти животные были их друзьями. Та жестокость, с которой Молибога уничтожает все живое (кошек, собак), травмирует детей, вызывает протест. Так что ни о какой любви и заботе не может быть и речи.

Отличительными чертами Марфо-Мариинской обители всегда были милосердие и сострадание, но с февраля этого года эти понятия уничтожены.

То, «что у каждой девочки есть какой-то талант» — не является первооткрытием. «Рисунки, которые получают», являются результатом многолетнего труда педагога по рисованию.

В Вашей статье Вы пишете: «До последнего времени в приюте при Марфо-Мариинской обители был определенный крен в сторону занятий музыкой и танцами». Вам, Нина Ивановна, не имеющей даже начального музыкального образо-

вания, а также Н. Молибога, не имеющей вообще никакого образования и пришедшей в обитель в феврале этого года, судить об этом невозможно.

Индивидуальные занятия на музыкальных инструментах (фортепиано, скрипка, гитара, блок-флейта, металлофоны), так же как и игра в ансамбле скрипачей, имели большое воспитательное значение. Очень важны были для включения детей в жизнь окружающего их общества, в котором им придется жить, выступления на радио, телевидении, концерты с Московским камерным оркестром «Времена года» под управлением В.Булахова, выступления в госпиталях в городах Зеленограде и Севастополе, в творческом центре молодежи «Перово», в англиканской церкви.

Благодаря пению на клиросе дети более сознательно участвовали в церковных службах. Вы пишете в своей статье: «будущие сестры милосердия поют на клиросе в своем храме и все отмечают, что хор получился прекрасный, его пение радует душу». Сообщаем, что такое пение — это результат многолетней хоровой работы, которая регулярно проводилась с сестрами милосердия. Раз в неделю (по пятницам) они приезжали на хоровые занятия в обитель.

У обительских детей были постоянные занятия танцами с профессиональным педагогом. На выступлениях дети исполняли такие танцы, как полонез, мазурка, вальс, различные характерные танцы и танцевальные композиции. Все эти занятия имели не только воспитательное значение, но и образовательное.

Постоянно проводились занятия по английскому языку. На них дети изучали не только грамматику языка, они ставили различные сказки на английском языке, литературно-музыкальные композиции, разучивали английские народные песни.

Приходил к детям педагог, который контролировал у детей выполнение школьных заданий и помогал по различным предметам. Студенты Педагогического колледжа также помогали в выполнении домашних уроков.

Дважды все дети обители выезжали в Англию к принцу Чарльзу, где выступали перед ним.

Валаамским монастырем были подарены путевки в Иерусалим, и все дети посетили эту Святую землю.

Много лет подряд благодаря матушке Елизавете дети на летних каникулах отдыхали и лечились в городе Севастополе. В Москве дети имели возможность ходить в бассейн, на различные спортивные тренировки. Раз в год все дети получали оздоровительный массаж и лечебный. Работал и медицинский кабинет, где медсестра Саша Барзилова регулярно, внимательно и заботливо осматривала детей.

Большое воспитательное значение имело то обстоятельство, что у детей были воспитатели и педагоги с высшим педагогическим образованием, которые много лет постоянно занимались детьми и были им близкими и родными.

Дети занимались лепкой из теста, рисованием, вышиванием, кулинарией, домоводством, верховой ездой и многим другим. С приходом нового руководства (февраль 2006г.) все занятия с детьми прекратились.

Дети регулярно посещали не только храм в обители, но и другие храмы. Обязательной была молитва перед трапезой, после нее, а также вечерняя и утренняя. То, что дети посещают разные храмы, не имеет значения для их религиозного воспитания. Если бы в первые три дня работы Молибога не был уволен весь педагогический состав, Вы могли бы узнать очень многое о талантах детей. Например то, что Ксюша и Юлия — это дуэт блок-флейтистов, Наташа Андреева — гитаристка и многое другое.

Давайте вместе выясним, как решаются кадровые вопросы в обители сегодня, и сравним.

До февраля 2006 года с детьми в обители работали опытные педагоги-профессионалы с высшим педагогическим образованием. Все они работали много лет и были для детей родными людьми, которым дети доверяли и любили.

Хочется спросить: сколько же педагогов поменялось у детей за 4 месяца и какое отношение они имеют к педагогике? В этой связи хочется упомянуть Зою Владимировну — «предсказательницу» и «ясновидящую», а также гадалку по руке. Нельзя оставить без внимания Гудкову, которая бьет детей. Именно она ударила Шашкову Ксюшу ключом в живот. Встанет вопрос о психической полноценности таких горе-педагогов.

То, что годами создавалось матушкой Елизаветой, которая очень тщательно подбирала педагогический состав, за три дня было уничтожено. Но известно, что ломать — не строить. Все совершающееся сегодня в обители происходит не «из любви к преподобномученице Елисавете», а как раз наоборот. Скорее всего, преподобномученица Елисавета, взирая с небес, проливает слезы, глядя на то, как попираются ее святые заветы.

В главе «Звонок из музея Большого театра» Вы пишете, что в обитель возвращены когда-то утраченные святыни. Это, как и почти все остальное, что Вы упоминаете в своей статье, — вовсе не заслуга нового руководства, а результат долгих стараний руководства прежнего. Примерно года 2 назад матушкой Елизаветой — настоятельницей Марфо-Мариинской обители — в музее Большого театра были найдены вещи (кресты, книги, иконы, церковная утварь), ранее принадлежавшие обители. И именно ее трудами и стараниями они были возвращены в обитель. А то, что это произошло, когда начала работать Молибога, никак не является ее заслугой.

Что же из себя представляет сегодняшняя и.о. начальницы Молибога? Образование — никакого.

Возраст — 54 года.

Трудовой стаж — отсутствует.

Не странно ли? Интересно было бы узнать, что она делала до рождения своих детей.

Нельзя с Вами согласиться, что Молибога сейчас не известна. Ее хорошо знают в прокуратуре, МВД, префектуре и в других инстанциях Москвы, т.к. за последние 4 месяца было написано много заявлений с жалобами на нее. Ее личное увлечение мистикой привело к тому, что в обители появилась гадалка.

Видимо, Вы плохо знаете жизнь обители, если не знаете, что каждый сезон детям покупают новую обувь. А то, что в мае Вы вспоминаете начало зимы, тогда как Молибога пришла работать в конце зимы, очень переключается со статьи в газете «Россия» написанной через 1,5 месяца работы Молибога (в марте). В начале декабря 2005 года всем детям обители была куплена зимняя обувь. В феврале 2006 года, сразу же после прихода Молибога она была выброшена и роздана бомжам. Это является фактом.

Жаль, что в судьбах детей-сирот принимают участие люди, которым безразлична их дальнейшая жизнь, например, Елена Николаевна Галенкова, работник соц. сектора префектуры. Вот яркий пример этого безразличия: она уверяла нас, что собак, которых забрали из обители, вернут после стерилизации. И это оказалось первой ложью (собаки, увы, не вернулись). Общение и работа с детьми требуют большой ответственности, педагогического образования и прежде всего любви к детям. А когда взрослый человек врёт нам и детям, то это не вызывает к ней доверия ни у взрослых, ни у детей. Не удивительно, что она всегда общается на повышенных тонах.

В главе «Планы, планы...» Вы пишете: «в общем, жизнь приюта при обители продолжается». О том, как она продолжается, мы уже рассказали...

Будет лучше для обители и для всех, если «из любви к преподобномученице Елисавете» госпожа Молибога немедленно покинет Марфо-Мариинскую обитель. Вот тогда духовная жизнь действительно будет на первом месте, а все «нововведения» Молибога совсем уйдут из обители вместе с ее и.о. начальницы.

Заслуженный работник культуры РФ, отличник просвещения, ветеран труда Давыдова Вера Павловна; отличник просвещения, ветеран труда Костарева Татьяна Сергеевна; Рудь Галина Анатольевна; Закирман Кристина Сергеевна.

Я хотел бы немного остановиться на совместной работе с Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, поделиться своими впечатлениями о его библейских переводах и о нашей работе над ними.

Вообще говоря, эта работа проходила в официальных рамках собиравшейся иногда Патриаршей Синодальной Библейской Комиссии, постоянным членом которой являлся Сергей Сергеевич. Комиссия эта не отличалась и не отличается особой производительностью. Последнее ее заседание проходило в 1991 году, и вот уже пятнадцать лет эта Комиссия существует, можно сказать, номинально. Но на первом и единственном ее заседании была высказана дельная мысль о том, что необходим новый перевод Священного писания на русский язык, точнее, если речь заходит о книгах Ветхого Завета, два перевода: перевод еврейской Библии (масоретского текста) и, может быть, еще важнее, - перевод традиционного для христианской Церкви греческого перевода Ветхого Завета, то есть Септуагинты. Сергей Сергеевич был активным сторонником этого замысла. Дело в том, что привычный для нас русский Синодальный перевод Ветхого Завета не является переводом ни с еврейской, ни с греческой Библии, но представляет собою некую смесь, как бы «гибридный» перевод с еврейского и греческого.

Нужно сказать, что деятельность Сергея Сергеевича над библейскими переводами началась задолго до организации Библейской Комиссии и выходила далеко за пределы деятельности этой организации. Все началось давно, с перевода книги Иова. Затем последовало очень много переводов. В широких церковных кругах наиболее известен его перевод Шестопсалмия. Сравнительно с другими поэтическими переложениями псалмов Давида это был именно **перевод**, удачно, можно сказать, гениально соединивший в себе понятийную точность, лексический такт и, насколько это возможно, ритмическое подражание оригиналу.

Значительно позже произошло следующее: воспользовавшись недолгой помощью Объединенных Библейских Обществ, была создана небольшая группа для перевода Нового Завета. Это было в начале 1990-х гг. Группа, состоявшая из нескольких человек, среди которых были Сергей Сергеевич и я, работала не так уж долго, несколько лет. Мы были почти не ограничены методологическими требованиями Библейских Обществ. Конечно, задача перевода Нового Завета при той загруженности, которая была у Сергея Сергеевича, да и у меня, была очень трудной. Ведь переводу надо отдавать все свои силы. И когда это делается в свободное от общих обязанностей время, то работа, конечно, затягивается. Наши совместные, увы, недолгие сеансы работы проходили в разных концах Европы: в Петербурге, Москве, Амстердаме, Риме, Праге и Братиславе. Местом последней встречи была выбрана Братислава, потому что этот город находится недалеко от Вены, где в то время жил Сергей Сергеевич: совершать дальние поездки ему становилось из-за нездоровья все труднее.

Весь канон Нового Завета был разделен между членами нашей группы. На долю Аверинцева пришлось переводить Синоптиков, разумеется, включая Книгу Деяний. Работа была очень трудной и ответственной не только в силу сакральности материала, но и потому, что Сергей Сергеевич очень серьезно относился к тщательному сопоставлению си-

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ

Выступление архим. Ианнуария (Ивлиева) на круглом столе, посвященном памяти С.С. Аверинцева. Круглый стол проходил 15.06.06 в рамках IV Свято-Троицких ежегодных академических чтений в РХГА.

ноптических параллелей, а это ведь очень кропотливая работа. Синоптические Евангелия очень похожи друг на друга, но между ними существуют и авторские различия. Аверинцев стремился сохранять стилистические особенности каждого из евангелистов.

Что касается посланий Апостола Павла, которые выпали на мою долю, то, помнится, Сергей Сергеевич как-то сказал, что готов стать к стенке, и пусть ему угрожает расстрел, но переводить апостола Павла он ни за что не станет. Не знаю, насколько серьезно это было сказано, но, кажется, он действительно так думал, в силу присущего ему чувства ответственности, потому что апостола Павла переводить невероятно трудно. Вспоминается тщательность, с какой он относился к тем нюансам текста, на которые переводчики подчас не обращают внимания: на артикли, на все эти союзы, сочинительные и подчинительные, которыми так богат греческий текст, на все эти ничтожные, на первый взгляд, частицы, которыми обычно и вовсе пренебрегают. У Сергея Сергеевича все это подвергалось анализу, все это отражалось в его переводе, подчас заметно для читающих на русском языке.

Несколько слов относительно методов перевода. Слово «перевод» (Übersetzung, translation) — это, вообще говоря, технический термин, который слишком привязан к тексту. Мы как бы берем текст и «пересаживаем» (übersetzen) этот текст, как некое растение, в другую языковую почву. К таким переводам условно можно отнести наш Синодальный перевод. Но на самом деле задача переводчика намного сложнее и труднее, чем такая «пересадка». Гораздо лучше эту задачу описывает древнегреческий глагол «герменеу» (отсюда — герменевтика). Этот глагол привлекает нас не только к переводимому тексту, но и к той аудитории, к которой текст обращен, к тем, кому текст растолковывается, объясняется. И в этом смысле переводчик — это еще и герменевт, толковник, толмач. Он не только переводит, но и толкует текст, не упуская из вида тех, для кого это делается.

С.С.Аверинцев выступает в своих переводах именно как замечательный христианский герменевт, толкователь. Прежде чем толковать текст, надо его тщательно изучить. И Аверинцев выкалывал великолепные познания в области научного изучения библейского текста, то есть в области экзегетики. Для того чтобы так точно и искусно перевести даже маленький отрывок из Евангелий, как это делал Аверинцев, нужно перерывать тьму литературы. Как ему это удавалось, я не знаю. Когда мы говорим об экзегетике Священного писания, о библеистике, то большинству нашей постсоветской публики, даже филологам, научная литература в этой сфере почти неизвестна. Хотя, если мы сравним реферативные журналы по той или иной области науки, скажем, по ядерной физике или по какой-то из сфер медицины, и по библеистике, то мы увидим, что количество научных публикаций в мире по библеистике ничуть не меньше, чем по той же ядерной физике. Где удавалось Аверинцеву доставать нужную литературу, трудно сказать: ведь Интернета тогда еще не было. Тем не менее, он эту литературу хорошо знал. И в своих переводах он выступает как хороший экзегет. Кроме того, как художник слова. И как глубоко верующий христианин.

Вопрос для Аверинцева как переводчика был связан, прежде всего, со следующим: С какого оригинала переводить? На этот вопрос не так просто ответить. Но принципиально может быть только два ответа: либо ты переводил с какой-то конкретной рукописи, хранящейся вот в этом конкретном монастыре или в этой конкретной библиотеке, либо ты переводил с так называемого «критического», то есть с научно восстановленного текста. Аверинцев

выбирает, конечно, второй вариант. В каком порядке переводить Евангелия, — это тоже очень важно. Здесь требовалось учитывать современное состояние так называемой «синоптической проблемы» в новозаветной библеистике. Не абсолютно достоверная, но наиболее принятая на сегодняшний день теория происхождения синоптических Евангелий утверждает, что первым было написано Евангелие от Марка, потом Евангелие от Луки, и потом от Матфея. И именно в такой последовательности, начиная с Евангелия от Марка, они Аверинцевым и переводятся. При этом в переводах синоптиков надо было учитывать несколько стилистических слоев. Во-первых, жанровые слои: притчи, описание чудес, афоризмы, пророческие речи.... Во-вторых, авторский стилистический слой. Когда мы читаем Синодальный перевод Нового Завета, мы практически не можем отличить стиль Евангелиста Марка от Луки или от Матфея. На самом же деле они говорят разными языками, отражая в своих Евангелиях разные культурные миры. А в Синодальном переводе все одинаково. Аверинцев же стремился, чтобы каждый Евангелист говорил своим собственным языком.

Еще более сложная и вряд ли разрешимая в обозримом будущем проблема — проблема единства Писания. Она всегда волновала Сергея Сергеевича и делала его труд заведомо предварительным и незавершенным в принципе. Дело в том, что перевод того или иного места Нового Завета не будет завершенным до тех пор, пока не будет перевода всей Библии. Ведь при переводе Нового Завета нужно иметь два перевода Ветхого Завета, потому что в Новом Завете местами цитируется еврейская Библия, а местами — ее греческий перевод, Септуагинта. Но об этой задаче я уже говорил в начале выступления, и ее решение — в слишком отдаленной перспективе.

Но все-таки основная задача переводчика — лингвистическая точность. Не буквальная передача, а точность семантическая, точность по смыслу. Аверинцев, как прекрасному литератору, удивительно хорошо удается переводить тонкости тех или иных мест. Возьмем, например, хорошо известное место из Евангелия от Луки: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк, 16:9). Так в Синодальном переводе. Очень сомнительная рекомендация, не правда ли? На самом же деле здесь в подлиннике удивительная игра слов, тончайшая, как это часто бывает в речах Иисуса Христа. Эту тонкость наш Синодальный перевод передать не в состоянии. Славянский текст несколько точнее: «Сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, примут вы в вечныя кровы». Но почти точно семантически и очень близко к букве текста перевел это предложение С.С.Аверинцев: «Спешите приобрести себе друзей на счет лукавой мамоны, чтобы после, когда она от вас уйдет, они бы приняли вас в жилища вечные». «Лукавая» мамона — злая, недобрая; и «лукавая» мамона — хитрая, обманчивая. Именно этот двойной смысл и стоял за игрой слов Иисуса Христа. Мамона, какими бы путями она ни приобреталась, обязательно вас покинет, хотя бы в момент смерти: сегодня она есть, завтра ее нет. И когда мамона покинет вас, вы обнищаете, останетесь ни с чем. А потому «приобретайте друзей», то есть творите добро, используя эту неверную, обманчивую мамону.

С.С.Аверинцев в своих библейских переводах проявил себя как ученый и как художник, так как экзегетика — это наука, а герменевтика — это искусство, требующее вдохновения. И, будучи вдохновенным герменевтом, он всегда выступал как благоговейный харизматически одаренный член Церкви. В нем было почитательнейшее отношение к Слову Божию, к традиции, уважение к читателю.

КРЕПИСЬ, ТЕОЛОГ!

Уступив православной церкви школу, Минобрнауки готовится закрыть теологические факультеты в вузах

Потерпев фиаско на ниве введения в школах факультатива Основы мировых религий (вместо него, как первыми среди российских СМИ сообщили «НИ», в массовом порядке внедряются Основы православной культуры), Министерство образования и науки жаждало реванша. В рамках принятых на себя Россией обязательств по «Болонскому процессу» после введения двухуровневой системы «бакалавр — магистр» будет уменьшено число госстандартов высшего образования. В жертву Болонье в первую очередь может быть принесена теология. На совещаниях в Минобрнауки разговоры об этом идут второй год.

Казалось бы, теология в вузах и ОПК в школах — небо и земля. Но связь между ними прямая. Дипломированный богослов, как всякий выпускник, нуждается в трудоустройстве. Трудоустроиться же ему проще всего учителем в школе. А поскольку там сегодня преподается не религиоведение, а Закон Божий в православном изводе, соответственно, и теология в наших вузах самая что ни на есть православная. Координирует образовательный процесс не Минобрнауки, а Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. С инициативой открытия факультетов опять-таки выступил не Андрей Фурсенко, а епархиальные управления. Никто не скрывает, что теологические факультеты — кузница кадров РПЦ.

...Невероятные приключения теологии в России начались в 1992 году, когда Министерство образования разработало и утвердило соответствующий госстандарт. Однако наша высшая школа не могла одним махом преодолеть пропасть между научным атеизмом, уродливый порождением тоталитарного режима, и богословием — старейшей дисциплиной в самых уважаемых университетах Европы. За 10 лет факультеты теологии открылись всего в восьми вузах. Но в 2002-м были приняты новые стандарты, позволяющие преподавать теологию с точки зрения конкретных конфессий. С тех пор лицензию на преподавание теологии получают не менее пяти вузов в год. Сегодня их почти четыре десятка — больше, чем кафедр религиоведения. Причем все эти факультеты — православные. Представители других конфессий грызут гранит богословия в духовных учебных заведениях.

Не подменяет ли теология, навязываемая вузам церковью, вчерашние «краткий курс» и «диамат»?

Надо полагать, именно в этой плоскости рассуждает Андрей Фурсенко. Если мы живем в светском государстве, пусть и с богатыми духовными традициями, с какой стати государственная школа должна пестовать паству для РПЦ? Если теология — наука, почему в вузах она должна быть исключительно православной, а государство — тратить средства на обучение преподавателей «Закона Божия»? Да и соответствует ли красивому слову «теология» то, чем занимаются преподаватели со студентами на всех этих учрежденных в авральном порядке факультетах и кафедрах? Даже среди оппонентов г-на Фурсенко немало скептиков на сей счет. На «круглом столе» в рамках ионьской выставки «Православная Русь» (он назывался более чем незавуалированно — «Социальный заказ на подготовку теологов») с тревогой говорилось о том, что уровень подготовки на наших теофаках низкий, а сумма даваемых знаний имеет к теологии весьма косвенные отношения.

Богословие — все-таки больше, чем наука. Премудрость Божия в общем не нуждается в подтверждении степенями бакалавра или магистра. Стоит ли решать проблему вытеснения из церковной среды «образованцев» истинными интеллигентами — людьми под стать Аверинцеву — нахрапом? Таких людей и в лучшие времена было мало — потому к ним и тянулись. И вырашиваются они не квадратно-гнездовым методом, а исподволь, вопреки всем и всяческим соизаказам.

Из статьи Михаила ПОЗДНЯЕВА, «Новые известия», 12 сентября 2006

ЕСЛИ НЕ ОПИУМ, ТО ЧТО? ИЛИ КАК ПРЕПОДАВАТЬ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ?

Свято-Филаретовский институт
объявляет о выстраивании
альтернативной концепции религиозного
образования и о вступительном
собеседовании на религиоведческий
факультет 25 сентября

На сегодняшний день в вузах России существует уже не один десяток факультетов религиоведения, успела даже сложиться определенная практика преподавания такого предмета и его методологическая трактовка.

Приглашая будущих студентов на факультет религиоведения, мы считаем принципиально важным определить задачи и смысл такого образования.

Религию обсуждают как фактор политических конфликтов и социальной стабильности, о ней говорят в телевизионных ток-шоу, она упоминается во врачебной практике, наконец, религия сделалась предметом научной дискуссии и даже областью светского образования, причем высшего.

Само религиоведение в вузах быстро приобрело характер стандартной учебной дисциплины, преподаваемой в виде совокупности «объективных сведений», разбитых на разделы и параграфы. При этом своего рода нейтралитет в отношении жизненных вопросов религиозного свойства провозглашается основополагающим принципом преподавания.

Наше видение, напротив, состоит в том, что религиозность — это неотъемлемое свойство природы человека, непосредственно выражающее его тяготение к высшему измерению бытия.

Мы будем прямо и бескомпромиссно говорить о религии как о форме живого отклика на вопросы, неотвратимо звучащие для человека из мира священного и вечного, о причинах существования различных видов религиозного опыта, об их конфликтности и возможной солидарности, о религиозности темной и светлой, наконец, о том, может ли являться истина в религии, или же все это только исторические и культурные особенности прошлых эпох, а также личные «странности».

Это и станет основой, на которой построен весь курс обучения на факультете религиоведения Свято-Филаретовского института.

Учебная программа предполагает изучение феномена религиозности как такового, истории религий, мировых и известных немировых религий и новых религиозных движений. Кроме того, вниманию студентов всех уровней предлагаются учебные курсы, посвященные взаимовлиянию религиозности и других важнейших сфер человеческой жизни:

- религиозной этике,
- религиозной эстетике,
- религии в мировой культуре,
- социологии,
- политологии
- географии религии.

Как христианский вуз, наш институт, естественно, особое внимание уделяет христианству, которое, однако, не выделено в отгороженную «священную» сферу. Вместе с тем мы понимаем всю неоднозначность исторического и современного облика христианства и намерены обсуждать со всей возможной беспристрастностью его нечастые взлеты и многочисленные падения...

Интерес к религиозному знанию растет, и мы предлагаем несколько возможностей повысить свою квалификацию в этой сфере: от 1-2-недельных интенсивных тренингов до двухгодичного курса полноценного дополнительного высшего образования. Помимо этого существует еще программа годичного обучения, которая в сокращенном виде воспроизводит основные параметры двухгодичного курса.

САДДУКЕИ НОВОЙ РОССИИ

А. Дюрер. Христос перед Каиафой.
Из цикла «Малые страсти», 1511 г.

Среди многочисленных проблем, вставших перед Русской православной церковью в постперестроечную пору, вопрос плодотворного общения между клиром и мирянами оказался одним из самых больных. Однако без реального его решения трудно надеяться на то, что православие станет творческой, действительно созидательной силой в обществе, а не трансформируется в некую корпорацию «Комбинат ритуальных услуг». И здесь нельзя не пожалеть, что оказались задвинутыми в долгий ящик решения Поместного собора 1917-18 гг. Того собора, на котором было принято немало документов, способствующих сближению народа и духовенства. В частности, в соборных постановлениях говорилось о процедуре выборов священников и о реальных механизмах участия мирян в принятии общецерковных решений. Опыт Русского Зарубежья показал, что это были отнюдь не пустые слова.

Если же вернуться к нынешней церковной жизни, то трудно не заметить, что сегодня значительным препятствием, мешающим органической связи мирян и клириков, стала виртуальная партия саддукеев, приверженцы которой присутствуют во всех клетках церковного организма. Именно их прагматичный, «теплохладный» стиль жизни способствует быстрому угасанию духа неофитов.

Реальная партия саддукеев существовала, как известно, во времена Иисуса Христа. Саддукеи учили, что в будущем веке не будет ни вечного блаженства, ни вечных мучений; отрицали бытие ангелов и злых духов и будущее воскресение мертвых (Мф. 22:23, Деян. 23:8). В меру эллинизированные, влиятельные и богатые, они находились в непосредственной близости к власти, и вопросы подлинной духовной жизни их, похоже, мало интересовали. После антиримских войн и разрушения храма саддукеи сошли с исторической арены, но дух их нашел себе место в земной церкви.

Современное саддукейство — это обходной путь к секуляризации, скрытый отказ от евангельского благочестия. Разумеется, новый саддукей может привести при случае и цитатку из Писания, и святой водой покропить, и высоко нравственную речь толкнуть. Но в основе стратегии его поведения будут не христианские ценности, а языческое преклонение перед властью и богатством, упование на сильные мира сего. Консерваторы не раз пытались приклеить к новым саддукеям ярлык «либералы», но всякий раз это не проходило. Хотя бы потому, что саддукеи вслед за властью готовы принять любые обличья, лишь бы

остаться в мейнстриме. Вот и сейчас, в эпоху госзаказа на консерватизм и «традиционные ценности», новые саддукеи запросто превращаются в фундаменталистов: играют на консервативном поле, устраивают круглые столы с приглашением разных маргинальных личностей вроде Кирилла Фролова. Правда, от этого в деятелях церковной консервативной политики они никак не превращаются.

Саддукеи в той или иной мере присутствуют во всех центрах церковной власти, будь то епископские кафедры, синодальные отделы или Чистый переулок. И их физическое пребывание непосредственно в узловых точках внутрицерковного управления ставит под сомнение саму возможность православного возрождения. Саддукеи, как черт лаdana, боятся любого благодатного движения мирян, и начинают ставить все мыслимые и немыслимые палки в колеса тем, кто всерьез стремится воцерковить жизнь. Не только евангельские, но даже ветхозаветные моральные нормы при этом легко нарушаются — как мы уже говорили, на самом деле для саддукеев они не так уж много значат.

Один из ярких примеров такой линии поведения — деятельность пресс-секретаря патриарха свящ. Владимира Вигилянского. В свое время, в 1997 г. он утверждал самые фантастические вещи о событиях в храме Успения в Печатниках. Тогда, можно сказать об этом с полным правом, было совершено преступление против Церкви: обогнал лидер целого миссионерского движения священник Георгий Кочетков, выброшена на улицу многочисленная община. Чуть позже появились документы и Прокуратуры, и Минздрава, которые полностью оправдывали действия прихожан и отца настоятеля. И вот почти десять лет спустя в Интернете появляется републикация письма свящ. Владимира Вигилянского главному редактору МК П.Н.Гусеву (см. в связи с этим Обращение пресс-службы братства «Сретение», опубликованное в «Кифе» № 51). Письмо (а скорее — статья, т.к. этот текст в 1997 г. был опубликован по крайней мере дважды) вновь появилась в контексте тяжбы между журналистом МК С.С. Бычковым и прот. Всеволодом Чаплиным. Но в ней звучит, помимо всего прочего, старая ложь о якобы имевшем место избиении «кочетковцами» о. Дубовицкого. Можно предположить, что о. Вигилянский не знал о планировавшейся републикации. Но тогда почему он уже в течение двух месяцев молчит и не пытается исправить ситуацию и принести извинения как за статью, так и за ныне вновь появившуюся ложь? Как-то неловко, что лицо, выступающее с громкими разоблачениями эмигрантского журналиста, само позволяет себе сомнительные фигуры поведения. Как-никак, это подрывает доверие людей к церкви (в которой, к слову сказать, о. Вигилянский занимает довольно высокий пост), против чего, казалось бы, так активно пытается выступать о. Владимир. Подобные примеры, увы, можно множить и множить.

Саддукейство напрямую связано с сервиллизмом, с постоянным заигрыванием с властью. И заигрывание это имеет очень характерный оттенок. От общения с властью (местной, региональной) священнику, епископу никуда не деться. Но одно дело, когда это происходит в рамках установленных правил игры. Или когда предпринимаются попытки воцерковить эту самую власть. (Недаром церковь молится «о братьях в правительстве сущих»). А другое — когда начинается фактическое поклонение самой природе власти, служение ей от души, не за страх, а за совесть, подмена христианства (остающегося в этом случае лишь маской, лишь формой) языческим служением разнообразным идолам современного мира. Все это, к сожалению, имеет место быть. Такова темная сторона многочисленных попыток воцерковить государство.

И все-таки разрыв между мирянами и духовенством не носит фатального характера. Его можно преодолеть, если верующие будут прилагать постоянные усилия. Мы верим, что церковь жива благодатью и надеждой. Такой надеждой мог бы стать и будущий Поместный собор, о котором говорят представители разных ветвей русского православия. Понятно, что такой собор не может собраться чисто механически. Но, как видится, только он, с опорой на решения Поместного собора 1917-18 гг., может решить новые-старые проблемы.

Борис КОЛЫМАГИН

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА БРАТСТВ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Главный редактор:
Колымагина А.В.
Зам. гл. редактора:
Буров А.А.

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
Электронная версия газеты:
http://lgazetakiifa.ru

Над номером работали:
Виктор Котт
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1300. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 19 сентября 2006 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 21 сентября 2006 г.

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Ру-

домино (ул. Николоямская, д.6); в книжном киоске первого гудфака МГУ; в **Санкт-Петербурге:** в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9).

Телефоны распространителей:
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Тверь: 8-4822-50-2308 (Олег Ермолаев);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова)